

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

105

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

135

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

188

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

229

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

279

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

321

*Моей «маленькой сестренке»
Мэри Харджи Болк*

Я хотела бы поблагодарить своих консультантов – Р. Дж. Ривза, отставного полковника штаба Сил обороны Австралии, миссис Алму Критчли и сестру Нору Сполдинг за их великодушную помощь.

Коллин Маккалоу

Часть первая

Глава 1

Молодой солдат, опустив вещевой мешок на землю, стоял перед безымянной постройкой и смотрел на дверь без каких-либо опознавательных знаков. Так это и есть барак «Икс», куда его отправили? Последний на территории госпиталя, как ему сказали, с облегчением махнув рукой в сторону тропинки, когда он заверил, что сам найдет дорогу — ни к чему отрывать людей от дела. Солдат был в форме, хотя уже и без оружия и боеприпасов: накануне забрал батальонный оружейник, — поэтому чувствовал себя не вполне комфортно.

Итак, он на месте. Вот он, госпитальный барак для бе-долаг, чьи мозги размякли в тропиках. Вот и отвоевался! Ни денег, ни славы... А впрочем, какая разница? Главное, войне конец.

Сестра Онор Лангтри незаметно наблюдала за ним из окна своего кабинета со смесью раздражения и любопытства. Навязался же на ее голову именно тогда, когда она была твердо убеждена, что больше поступлений не будет. К тому же, вне всякого сомнения, появление новичка если и не вызовет бурю, но хрупкое равновесие в отделении «Икс» нарушит. Да ей и самой было очень любопытно: в солдате она видела еще одного незнакомца, которого еще предстояло узнать. Итак, М. Э. Дж. Уилсон прибыл.

По знакам отличия Онор определила, что он сержант. Слева, чуть выше кармана, у него на груди име-

лась полосатая, красная с синим, ленточка медали «За безупречную службу» — награды самой почетной и редкой, а рядом — трех звезд. На выгоревшей почти до белизны ленте его шляпы, хранившей память о Ближнем Востоке, выделялась серая по краям нашивка дивизии. Военная форма, хоть и выцветшая, выглядела опрятно, ремешок широкополой шляпы, как и предписывал устав, перехватывал подбородок, а начищенные пряжки сияли медью. Воин не отличался ростом, зато был коренаст и кряжист, с загорелыми до черноты руками и шеей. Этот парень явно прошел всю войну, и, глядя на него, сестра Лангтри терялась в догадках: отчего его отправили в отделение «Икс»? Он выглядел немного потеряннным — такое случается почти с каждым на новом месте, — но других, более характерных признаков психического расстройства: спутанности сознания, дезориентации, тревоги, нарушений поведения — сестра Лангтри не заметила. Сказать по правде, новичок выглядел совершенно нормальным, что для отделения «Икс» было нонсенсом.

Наконец солдат подхватил с земли вещмешок и ступил на длинный пандус, ведущий к входу, а сестра Лангтри, покинув наблюдательный пункт, вышла в коридор. К весьма оригинальной ширме, которую смастерил один из пациентов, что уже давно покинул госпиталь, они подошли почти одновременно с разных сторон. Это была по-своему уникальная вещь: что-то вроде занавески из рыболовной лески с нанизанными на нее крышками от пивных бутылок. Стоило ее тронуть, и раздавалось громыхание жести. Эта ширма, изготовленная шутником пациентом, стала визитной карточкой отделения «Икс» и под ее ужасающей какофонией состоялось знакомство сержанта Уилсона с сестрой Лангтри.

— Здравствуйте, сержант. Меня зовут Онор Лангтри, — проговорила сестра с приветливой улыбкой, которая

означала: «Добро пожаловать в барак «Икс», в мое царство».

Ее улыбка не могла скрыть легкой досады и беспокойства. Сестра выдала себя, когда резким повелительным жестом протянула руку за медицинской картой, заметив, что конверт, в котором она лежала, вскрыт. Ну что за болваны сидят в приемном отделении! Уилсон наверняка прочитал все бумаги.

Сержант же, нисколько не смутившись, неспешно снял шляпу и спокойно протянул ей конверт с документами.

— Простите, сестра. Мне не было надобности читать бумаги, чтобы догадаться, что в них.

Сестра Лангтри чуть повернулась и через открытую дверь кабинета ловко бросила конверт к себе на стол, словно хотела дать понять сержанту, что не заставит его стоять столбом, пока будет копаться в его прошлом. Официальные документы можно изучить и позже, времени у нее достаточно, а сейчас важно дать ему освоиться, почувствовать себя свободно.

— Итак, Уилсон?.. — Ей нравилась его невозмутимость.

— Майкл Эдуард Джон Уилсон, — совершенно невозмутимо представился новоприбывший, и в глазах его промелькнула едва заметная улыбка.

— Как нам вас называть?

— Майкл, а можно и Майк, не важно.

Он полностью владел собой, как ей казалось. Определенно никаких следов болезненной раздвоенности, неуверенности в себе. «О господи, — подумала сестра, — как он будет себя чувствовать среди остальных?»

— Откуда вы прибыли?

— О, издалека, — уклончиво ответил Уилсон.

— Бросьте, сержант. Война закончилась, так что о секретности можно забыть. Должно быть, вы с Борнео, но откуда именно? Бруней? Баликпапан? Таракан?

— Из Баликпапана.

— Что ж, добро пожаловать! О, вы появились как нельзя вовремя, — оживленно проговорила сестра и жестом предложила следовать за ней по короткому коридору. — Скоро ужин, а здесь неплохо готовят.

Барак «Икс» наскоро сколотили из остатков стройматериалов, и отвели ему место на самой границе территории госпиталя, поскольку изначально он не предназначался для пациентов, которым требовалась особая медицинская помощь. Барак легко вмещал десять коек, а при необходимости можно было поставить и двенадцать или даже четырнадцать, к тому же порой использовали и веранду. Постройка из неструганых досок, прибитых внахлест, прямоугольная, с голыми полами, была выкрашена в цвет детской неожиданности, по выражению ее обитателей. Широкие окна — вернее, проемы без стекол, — прикрывали деревянные жалюзи, призванные защищать барак от непогоды. Венчала строение крыша из пальмовых листьев.

Сейчас в общей палате размещалось всего пять кроватей. Четыре выстроились одна за другой изголовьями к стене, как и полагается в госпитале, пятая же странным образом выбивалась из строя и стояла особняком у противоположной стены, причем не под прямым углом к ней, а вдоль нее, вопреки больничным правилам. Обшарпанные низкие госпитальные койки были аккуратно застелены простынями из небеленого полотна, которые в этих жарких влажных широтах с успехом заменяли и одеяла, и покрывала. От частых стирок они с годами выцвели и сделались белесыми, как выброшенные на морской берег кости. Над изголовьем каждой из коек на высоте шести футов крепилось кольцо наподобие обода баскетбольной корзины, с которого свисала длинная москитная сетка маскировочного зеленого цвета, затейливо уложенная изящными складками, достойными луч-

ших творений Жака Фата¹. Возле каждой кровати стоял проржавевший металлический шкафчик.

— Можете свалить все свое снаряжение вон на ту кровать, — указала сестра Лангтри на койку у дальней стены, последнюю в ряду из четырех, как раз напротив окна, прикрытого жалюзи. — Вещи разберете потом. В отделении «Икс» еще пять человек, и я хочу познакомить вас с ними до ужина.

Майкл положил шляпу на подушку, опустил на кровать вещмешок, снял ранец и ремень с сумками. Славная койка: лежишь, а тебя обдувает свежим ветерком. Часть палаты как раз напротив была наглухо отгорожена ширмами, словно там лежал умирающий, но сестра Лангтри спокойным, уверенным жестом поманила сержанта за собой и с ловкостью, что приобретает лишь долгой практикой, скользнула в проход между двумя ширмами. В отгороженном углу не обнаружилось ничего таинственного, только длинный обеденный стол да скамьи по краям, а во главе — старое, удобное с виду кресло.

По другую сторону стола был выход на веранду, пристройку шириной футов десять и длиной около сорока, что лепилась к стене барака, похожая на грубую оборку нижней рубашки, торчащую из-под юбки. Под стрехами веранды висели свернутые в рулоны бамбуковые шторы — в дождливую погоду их опускали. Площадку окружала невысокая, чуть ниже пояса, оградка из жердей с дощатыми перилами. Ботинки Майкла так грохотали по крепким половицам пола, что казалось, будто кто-то бьет в громадный барабан. У общей с бараком стены веранды почти вплотную стояли в ряд четыре кровати, а остальное пространство занимали разномастные стулья: должно быть, обитатели барака любили собираться в этом

---

¹ Ф а т Ж а к (1912–1954) — французский кутюрье, оказавший наряду с Кристианом Диором и Пьером Бальменом значительное влияние на моду послевоенного времени — *Здесь и далее примеч. пер.*

углу веранды. Возле самой двери притулился обеденный стол со скамейками — копия того, что в палате. Почти всю поверхность стены между верандой и палатой занимали оконные проемы с деревянными решетками жалюзи, широко открытыми, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Веранду пристроили с подветренной стороны, так что сюда не долетали порывы муссонов, однако, как оказалось, здесь всегда дули юго-восточные пассаты.

День угасал, но все еще теплилось его дыхание; в наплывающих сумерках тени цвета индиго и нежно-золотистые лужицы света пестрели на земле за оградой веранды. Черная, похожая на огромный кровоподтек грозовая туча, проплывая по багровому небу, заволокла верхушки кокосовых пальм, и те застыли в неподвижности, позлащенные закатными лучами, словно пышно разодетые танцовщицы с острова Бали. Мерцающий воздух тек с ленивой неспешностью, в нем плясали мириады пылинок, и казалось, что мир погружается на дно океана, пронизанного солнечными стрелами. Вдали, будто подпорка для небесного свода, вздымались костлявые ребра радуги с яркой каймой по краю, вот только самая вершина была безжалостно смазана. Разноцветные бабочки летели прочь, на смену им прилетали ночные мотыльки, словно безмолвные порхающие духи. Среди листвы в клетках пальмовых ветвей распевали птицы, и чистые их ликующие голоса звенели в вышине.

«О господи, сейчас начнется, — подумала сестра Лангтри, прежде чем выйти на веранду, чтобы познакомиться Уилсона с остальными обитателями барака. — Никогда не знаешь, чего от них ждать: мотивы их поступков непостижимы, — и остается лишь полагаться на свое чутье. Нет, понять их можно, но вот осмыслить...»

Полчаса назад она объявила им, что поступил новый пациент, и теперь буквально кожей чувствовала их тревожную настроенность. Ничего другого она и не жда-

ла: обитатели барака видели угрозу в каждом новичке, и, чтобы привыкнуть, восстановить прежний порядок вещей в своем мире, им требовалось время, а до тех пор к чужаку всегда относились враждебно. И чем больше времени уделяла новоприбывшему сестра в ущерб остальным, тем сильнее разгоралась всеобщая неприязнь к нему. В конце концов жизнь возвращалась в старое русло, вчерашний новичок обживался и становился своим, но до того дня сестре Лангтри предстояло пережить нелегкое время.

Возле стола сидели четверо мужчин, причем трое из них — голые по пояс. Пятый, с книгой в руках, лежал, вытянувшись во весь рост, на ближайшей койке. Только один из обитателей поднялся при появлении сестры с новеньким — высокий худой мужчина лет тридцати пяти, голубоглазый, со светлой шевелюрой, выгоревшей на солнце до белизны. На нем была выцветшая, защитного цвета форменная куртка-сафари, стянутая матерчатым ремнем, с погонами, на которых красовались три бронзовых капитанских звезды. Наряд завершали длинные прямые брюки и высокие замшевые ботинки для переходов по пустыне. Его вежливость говорила о хорошем воспитании, однако была обращена лишь к сестре Лангтри, а новичка он демонстративно не замечал.

Первое, что бросилось Майклу в глаза, это взгляды, обращенные на сестру. В них читалась не столько любовь, сколько ревность собственников. Больше всего его поразило их упорное нежелание даже взглянуть на него, хотя у двери веранды сестра Лангтри взяла его под локоть и потянула за собой, так что не заметить его было довольно трудно. И все же им это удалось, даже тому худосочному, что растянулся на койке.

— Майкл, познакомьтесь: это Нил Паркинсон, — невозмутимо произнесла сестра Лангтри, не обращая внимания на разлитую в воздухе настороженность.